

Изъ воспоминаній о Дузэ.

Разъ одна свѣтская женщина, передавая мнѣ свое впечатлѣніе объ игрѣ Дузэ, сказала: «Мнѣ кажется, что еслибы мнѣ пришлось разставаться со страстно любимымъ человѣкомъ, я плакала бы, говорила бы, жестикулировала бы, какъ Дузэ, а не сумѣла бы всего этого сдѣлать... какъ Сарра Бернаръ».

Глубокая правда и высшая похвала игрѣ артистки!

Талантъ Дузэ весь сотканъ изъ одной истины. Самый тщательный микроскопъ, т.-е. внутреннее чувство понимающаго искусство актера, или человѣка, изучившаго великихъ драматическихъ писателей и исполненіе ихъ произведеній первоклассными артистами, не найдетъ въ игрѣ Дузэ ни малѣйшей неестественности, или афектаціи, ни тѣни ложнаго эффекта. Шекспировская ли Клеопатра, или трактирица въ комедіи Гольдони, Нора ли Ибсена, все равно, игра Дузэ—сама правда, сама жизнь!

При этомъ, каждое у нея, кромѣ генія, глубокое изученіе ролей, какой реализмъ, никогда однако не выходящій изъ границъ искусства!

Въ Клеопатрѣ царица-гетера, видѣвшая у своихъ ногъ, еще чуть не въ дѣтствѣ, перваго человѣка міра—Юлія Цезаря, потомъ его соперника въ обладаніи вселенной и ею, Птолемея, Дузэ выступаетъ на сценѣ сорокавосьмилѣтней женщиной. Клеопатра сама говоритъ о себѣ:

«Я черна отъ поцѣлуевъ Феба, съ глубокими морщинами отъ времени»; но она появляется съ пыломъ самой сильной послѣдней страсти къ Антонію, все возрастающей до той минуты, когда Клеопатра потеряла Антонія, царство—и умерла! Дузэ неподражаема во всей трагедіи и вѣрна исторіи и замыслу Шекспира. Позы ея и жесты изучены ею по древнимъ изображеніямъ Египтянокъ. Такъ, напримѣръ, во второмъ актѣ, томлящаяся въ отсутствіи Антонія Клеопатра то мечется, какъ пантера на своемъ ложѣ, то вдругъ обратившись лицомъ къ публикѣ, полулежитъ, точно сфинксъ, подпирая голову руками! Антоній у Шекспира зоветъ Клеопатру «змѣйкой стараго Нила», и Дузэ въ этой роли гибка, какъ змѣя, и шипитъ и душитъ, какъ змѣя, злополучнаго вѣстника, объявившаго ей о свадьбѣ Антонія.

Въ послѣднемъ актѣ при появленіи Октавіана, царица пластомъ пала ницъ передъ побѣдителемъ, вытянувъ, какъ раба, впередъ одну руку... Казалось, Дузэ замерла во прахѣ, не слышала или не понимала Октавіана, говорившаго ей, что она «...не должна колѣнъ своихъ склонять...» передъ нимъ.

Цезарь уходитъ. Дузэ быстрымъ движеніемъ приподнялась и, сидя на полу, провела весь монологъ. Что ждетъ ее? Позоръ слѣдованія за триумфальной колесницей... И, какъ бурный потокъ, понесся ея отрывочный, несвязный, горячечный бредъ, обращенный къ оставшимся ей вѣрными прислужницамъ. То казалось ей, что онѣ задыхаются отъ смрада въ рукахъ матросовъ, поднимающихъ ихъ надъ толпой, чтобы она лучше могла разглядѣть плѣнницъ. То слышится ей, какъ въ разныхъ притонахъ кропатели стиховъ воспоютъ ее, царицу, и всю ея жизнь... Хуже того: бездарные домаки-комедіанты «...на потѣху черни праздной» будутъ представлять на сценѣ подобіе alexandрийскихъ ночей: Антоній появится «шпаннымъ», и безбородый мальчикъ дерзнетъ изображать ее, Клеопатру...

Но спасеніе есть: стараніемъ Харміана, крестьянина ужъ принесъ корзину смоквъ, и въ ней сокрытъ освободитель отъ позора и всѣхъ душевныхъ мукъ и страданій... аспидъ.

И та же чародѣйка также превосходна въ «Трактирицѣ», комедіи Гольдони! Пьесу эту видѣлъ я сорокъ лѣтъ назадъ еще со Щепкинымъ, и съ тѣхъ поръ видѣлъ массу Мирандолинъ разныхъ націй. Всѣ онѣ были не женщины, а куклы, и хуже всѣхъ въ этой роли были русскія водевильныя ingénues.